

ШЕЛБИ ВАН ПЕЛТ

Необычайно умные создания

роман

*Перевод с английского
Анны Гайдено*

phantom press

Москва

УДК 821.111
ББК 84(7Сое)
В17

REMARKABLY BRIGHT CREATURES by SHELBY VAN PELT

Copyright © 2022 by Shelby Van Pelt

Все права защищены. Любое воспроизведение, полное или частичное, в том числе на интернет-ресурсах, а также запись в электронной форме для частного или публичного использования возможны только с разрешения владельца авторских прав.

Книга издана при содействии Jenny Meyer Literary Agency

Перевод с английского Анны Гайденко
Редактор Игорь Алюков

Оформление обложки и макет Андрея Бондаренко

Шелби Ван Пелт

В17 Необычайно умные создания: Роман / Пер. с англ. А. Гайденко. — М.: Фантом Пресс, 2023. — 448 с.

После смерти мужа Това работает ночной уборщицей в океанариуме городка Соулл-Бэй, моет полы, полирует стекла и... беседует с морскими обитателями. Работа помогает Тове справиться с горем, которое с ней уже тридцать лет — с того дня, когда таинственно исчез ее восемнадцатилетний сын Эрик. В океанариуме есть особенный обитатель — немолодой гигантский осьминог по имени Марцелл, философ и наблюдатель. Марцелл настоящий интеллеktуал, ему скучно в тесном аквариуме, и развлекается он, решая людские загадки. Но свой ум он тщательно скрывает — ото всех, кроме Товы. Марцелла интригует эта женщина, печальная и забавная. Однажды в городок приезжает загадливый парень, который тоже пытается разгадать загадку — загадку своей жизни. И у Марцелла появляется еще одна цель.

Дебютный роман Шелби ван Пелт стал сенсацией в США, эта ироничная и очень добрая история почти целый год не покидала самые верхние строчки списков бестселлеров. Эта книга из тех, что гарантированно поднимают настроение и позволяют увидеть обычную жизнь в новом свете.

ISBN 978-5-86471-939-8

© Анна Гайденко, перевод, 2023
© Андрей Бондаренко, оформление, 2023
© "Фантом Пресс", издание, 2023

1299-Й ДЕНЬ В НЕВОЛЕ

11

Моя стихия — темнота.

Каждый вечер я жду щелчка выключателя, который гасит лампы на потолке, так что остается только подсветка главного аквариума. Не идеально, но очень даже неплохо.

Почти полная темнота, какая бывает в морских глубинах. Я жил там до того, как меня поймали и привезли сюда. Я уже не помню вольных холодных течений, но все еще чувствую их вкус. Темнота у меня в крови.

Кто я такой? — спросите вы. Я Марцелл, но мало кто зовет меня по имени. Как правило, большинство людей называют меня просто *он*. Например: “Вот же он, смотри, щупальца торчат из-за камня!”

Я гигантский осьминог. Так написано на табличке, которая висит на стене рядом с моим аквариумом.

Я знаю, о чем вы сейчас подумали. Да, я умею читать. Я умею много всего, о чем вы и не подозреваете.

В табличке указаны и другие сведения обо мне: размеры, предпочтительный рацион и территории, где я мог бы жить, если бы не попал сюда. Говорится

здесь и о моей находчивости и высоком интеллекте, что для людей почему-то оказывается неожиданно. *Осьминоги* — необычайно смысленные создания, сообщает табличка. Кроме того, она предупреждает людей о моих способностях к маскировке и советует приглядываться к аквариуму с особой тщательностью, поскольку я умею сливаться с песком.

На табличке не написано, что меня зовут Марцелл. Но человек по имени Терри, директор океанариума, иногда рассказывает об этом посетителям, которые собираются возле моего аквариума. “Видите его вон там, вдалеке? Это Марцелл. Он у нас особенный”.

Особенный. Что есть, то есть.

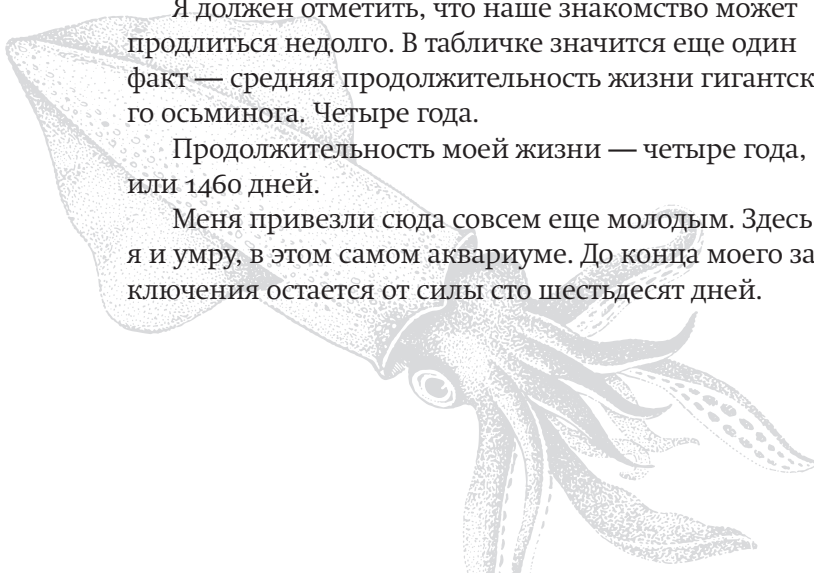
Имя для меня выбрала маленькая дочка Терри. Полностью оно звучит как Марцелл Маккальмарс. Да, очень несуразное имя. Многие люди из-за этого считают меня кальмаром — хуже оскорбления не придумать.

И как же вам меня называть? — спросите вы. Ну это вам решать. Вполне возможно, что вы тоже начнете говорить просто *он*, как и все остальные. Я надеюсь, что нет, но не буду держать на вас зла. В конце концов, вы всего лишь люди.

Я должен отметить, что наше знакомство может продлиться недолго. В табличке значится еще один факт — средняя продолжительность жизни гигантского осьминога. Четыре года.

Продолжительность моей жизни — четыре года, или 1460 дней.

Меня привезли сюда совсем еще молодым. Здесь я и умру, в этом самом аквариуме. До конца моего заключения остается от силы сто шестьдесят дней.

След в форме монеты

Това Салливан готовится к битве. Желтая резиновая перчатка пером канарейки выглядывает у нее из заднего кармана, когда она наклоняется, чтобы изучить своего врага.

Жвачка.

— Господи.

Она пытается поддеть плоский розоватый кругляш ручкой швабры. Поверхность кругляша покрыта грязными наслоениями рифленых следов от кроссовок.

Това никогда не понимала, зачем вообще нужны жвачки. И ведь люди постоянно их роняют где попало. Наверное, этот человек болтал без умолку и жвачка просто выпала у него изо рта вместе с потоком ненужных слов.

Она опять наклоняется и ковыряет край кругляша ногтем, но тот не желает отделяться от плитки. А все потому, что кто-то не смог пройти десять футов до мусорной корзины. Однажды, когда Эрик был маленьким, Това застала его за попыткой приклеить жвачку под стол в кафе. Больше она ему жвачек не покупала, хотя за тем, на что он тратил карманные деньги в подростковом возрасте, как и за многими другими вещами, проследить уже не могла.

Ей потребуется особое оружие. Зубило, пожалуй. Ничем из того, что лежит в ее тележке, жвачку не отковырнуть.

Когда Това распрямляется, у нее хрустит спина. Она идет в подсобку, и ее шаги эхом разносятся по пустому круговому коридору, привычно залитому мягким голубым светом. Конечно, никто не станет винить ее, если она просто поелозит шваброй по плитке со жвачкой. Никто не ждет, что в семьдесят лет она будет отскребать полы дочиста. Но надо же попытаться.

Кроме того, это хоть какое-то занятие.

14 Това — самая пожилая сотрудница океанариума Соуэлл-Бэй. Каждый вечер она моет полы, протирает стекла и выносит мусор. Каждые две недели она забирает из своего шкафчика в комнате отдыха расчетный листок. Четырнадцать долларов в час, после вычета налогов и отчислений.

Сложенные листки отправляются в старую коробку из-под обуви, стоящую на холодильнике. Деньги копятся на счете в Кредитно-сберегательном банке Соуэлл-Бэй, и она их не снимает.

Она идет в подсобку целеустремленным шагом, который в любом случае выглядел бы впечатляюще, но когда так ходит миниатюрная старушка со сторбленной спиной и птичьими косточками, это особенно удивительно. Окно на крыше, озаренное яркими фонарями на старом паромном причале, заливают дождь. Серебряные капли соскальзывают по стеклу лентами, мерцающими под туманным небом. Все то и дело повторяют, какой ужасный выдался июнь. Тову серость не беспокоит, хотя было бы неплохо, если бы дождь прекратился и дал лужайке перед домом просохнуть. От влажной травы забивается газонокосилка.

Здание океанариума, по форме напоминающее пончик, с крышей-куполлом, с главным аквариумом в цен-

тре и аквариумами поменьше вдоль стен, не слишком велико и не производит особого впечатления — и, пожалуй, подходит для Соуэлл-Бэй, который сам по себе невелик и не производит особого впечатления. Подсобка находится с противоположной стороны кольцевого коридора, на другом конце диаметра от того места, где произошло столкновение Товы со жвачкой. Белые кроссовки скрипят по чистому полу, оставляя на блестящей плитке тусклые следы. Разумеется, все придется мыть заново.

Она останавливается у неглубокой ниши с бронзовой статуей тихоокеанского морского льва в натуральную величину. Поблескивающие пятна потертостей на спине и на лысой голове, появившиеся за десятки лет, в течение которых дети гладили статую и залезали на нее, придают ей еще большую достоверность. Дома у Товы на каминной полке стоит фотография Эрика в возрасте лет одиннадцати или двенадцати — он сидит на морском льве верхом, улыбаясь во весь рот и подняв руку, как будто собирается бросить лассо. Морской ковбой.

Эта фотография — одна из последних, на которых он выглядит по-детски беззаботным. Това расставила фотографии Эрика в хронологическом порядке: вот из ребенка с беззубой улыбкой он превращается в привлекательного подростка в спортивной куртке с эмблемой школы, который уже вымахал выше отца. Вот прикалывает бутоньерку на платье девушки, с которой идет на осенний школьный бал. Вот он стоит на импровизированном подиуме на скалистом берегу темно-синего залива Пьюджет-Саунд, держа в руках кубок школьной регаты. Проходя мимо морского льва, Това касается его холодной головы и в очередной раз подавляет желание подумать о том, каким мог бы быть Эрик сейчас.

Но надо продолжать путь, и она идет дальше по тускло освещенному коридору. Перед аквариумом с си-нежаберниками она замедляет шаг.

— Добрый вечер, дорогие.

Следующие на очереди японские крабы.

— Здравствуйте, красавцы.

У остроносого малого бычка она спрашивает:

— Как поживаешь?

Угревидные зубатки Тове не по душе, но она кивает в знак приветствия. Нехорошо быть невежливой, хоть они и напоминают ей о фильмах ужасов по кабельному каналу, которые ее покойный муж Уилл любил смотреть среди ночи, когда тошнота от химиотерапии не давала ему спать. Из скалистой пещеры выползает самая большая зубатка, хмуро демонстрируя свой характерный неправильный прикус. Зазубренные клыки торчат из ее нижней челюсти, как иголки. Вид, мягко говоря, неприглядный. С другой стороны, разве внешность не обманчива? Това улыбается угревидной зубатке, хотя та никогда не смогла бы улыбнуться в ответ, даже если бы захотела, — с такой-то головой.

16

Следующий экспонат — любимец Товы. Она приближается к стеклу.

— Ну-с, сэр, и чем же вы сегодня занимались?

Обнаруживает она его не сразу: за камнем заметен краешек оранжевого щупальца. Его выдала мелкая оплошность — так случается с детьми во время игры в прятки. Например, когда из-за дивана торчит девичий хвостик или из-под кровати выглядывает нога в носке.

— Стесняешься?

Това отступает назад и ждет, но гигантский осьминог не шевелится. Она представляет дневных посетителей, которые стучат костяшками пальцев по стеклу, сердито фыркают и отходят, так ничего и не увидев. Люди разучились быть терпеливыми.

— Я тебя за это не виню. Там и правда уютно.

Щупальце дергается, но туловище так и не показывается.

Жвачка доблестно противостоит зубилу, но в конце концов отрывается от пола.

Това бросает засохший комок в мешок для мусора, и он соскальзывает в полиэтиленовое нутро с приятным шуршанием.

Това моет полы. Заново.

Мокрая плитка источает легкий запах уксуса с добавлением лимона. Это намного лучше, чем то кошмарное средство, которым они пользовались, когда Това только пришла сюда, — ярко-зеленое, обжигающее ноздри. Това сразу же выразила свой протест. Во-первых, от этой химии кружилась голова, во-вторых, на полу оставались некрасивые разводы. Но хуже всего, пожалуй, было то, что от нее пахло как в больничной палате Уилла, пахло болезнью Уилла, хотя об этом Това умолчала.

Все полки в подсобке были забиты этой зеленой гадостью, но Терри, директор океанариума, в конце концов пожал плечами и сказал, что Това может пользоваться какими угодно средствами, если будет покупать их сама. Разумеется, Това согласилась. Теперь каждый вечер она приносит бутылку уксуса и флакончик лимонного масла.

Пора собирать остальной мусор. Она опорожняет корзины в вестибюле и урну возле туалетов и переходит в комнату отдыха, где столешница вечно усыпана крошками. Хоть это и не входит в ее обязанности, поскольку об этом заботятся профессионалы из Элланда, которые приезжают раз в две недели, Това всегда протирает тряпкой низ старой кофеварки и забрызганные внутренности пахнущей спагетти микроволновки.

Сегодня, впрочем, ее ждут проблемы посерьезнее: пустые коробки из-под еды навывнос на полу. Три штуки.

— Как не стыдно, — с упреком говорит Това пустой комнате. Сначала жвачка, а теперь это.

Она поднимает коробки и бросает их в корзину, которая почему-то сдвинута на несколько футов в сторону. Высыпав содержимое корзины в мешок для мусора, она возвращает ее на прежнее место.

Рядом стоит небольшой обеденный столик. Това выравнивает стулья. А потом замечает это.

Там что-то есть. Под столом.

18 Буровато-оранжевый комок в самом углу. Свитер? Маккензи, приятная молодая женщина, которая работает в кассе, часто вешает свой свитер на стул и забывает про него. Това опускается на колени, собираясь достать его и отнести в шкафчик Маккензи. Но тут комок шевелится.

Шевелится щупальце.

— Боже милостивый!

Откуда-то из мясистой плоти появляется осьминожий глаз. Похожий на стеклянный шарик зрачок расширяется, потом его прикрывает веко. Взгляд укоризненный.

Това моргает, подозревая, что собственные глаза ее подводят. Как мог гигантский осьминог выбраться из аквариума?

Щупальце снова шевелится. Существо запуталось в клубке проводов. Сколько раз она проклинала эти провода! Вечно они не дают нормально мыть полы.

— Ты застрял, — шепчет она, и осьминог поднимает огромную вытянутую голову, с усилием пытаясь вытащить одно из щупалец, вокруг которого несколько раз обмотался тонкий провод для зарядки мобильного телефона. Он делает усилие, и шнур стягивается туго, спиралью впиваясь в плоть. У Эрика когда-то была та-

кая игрушка из магазина товаров для розыгрышей. Маленький плетеный цилиндр, в который надо с обеих сторон вставить указательные пальцы, а потом попытаться вытащить их одновременно. Чем сильнее тянешь, тем туже делается цилиндр.

Това медленно пододвигается ближе. Осьминог шлепает одной из конечностей по линолеуму, как бы говоря: *не подходи*.

— Ладно, ладно, — бормочет Това, выбираясь из-под стола.

Она встает, включает верхний свет, который заливает комнату отдыха флуоресцентным сиянием, и снова опускается на колени, на этот раз медленнее. Но тут, как обычно, ее спина издает хруст.

19

Услышав этот звук, осьминог снова пытается вырваться и с неожиданной силой толкает один из стульев. Тот скользит через всю комнату и ударяется в стену.

Из-под стола поблескивает невероятно ясный глаз.

Преисполненная решимости, Това подползает ближе, пытаясь унять дрожь в руках. Сколько раз она проходила мимо таблички под аквариумом с гигантским осьминогом? Она не может припомнить, чтобы там говорилось, что осьминоги представляют серьезную угрозу для людей.

Их уже разделяет всего фут. Осьминог будто съежился, кожа его побледнела. Есть ли у осьминогов зубы?

— Дружок, — говорит она мягко. — Я сейчас просушу руку за тебя и отсоединю шнур.

Приглядевшись, она понимает, какой именно провод стал причиной его затруднительного положения. Дотянуться можно.

Глаз осьминога следит за каждым ее движением.

— Я не причиню тебе вреда, милый.

Свободное щупальце постукивает по полу, точно хвост домашней кошки.

Когда она выдергивает вилку, осьминог вздрагивает и подается назад. Това тоже вздрагивает. Она ждет, что он улизнет вдоль стены к двери, куда явно стремился и раньше.

Но вместо этого он придвигается ближе.

Одна из его конечностей рыжеватой змеей скользит к Тове. За считанные секунды обвивается вокруг ее предплечья, потом обхватывает локоть и плечо, будто лента с майского дерева. Това чувствует, как к ее коже цепляется каждая присоска. Она машинально пытается выдернуть руку, но осьминог сжимает ее так крепко, что становится почти неприятно. Правда, его причудливый 20 глаз игриво поблескивает, как у шаловливого ребенка.

Пустые картонки из-под еды навынос. Сдвинутая мусорная корзина. Теперь все становится понятно.

И вдруг осьминог отпускает Тovu. Она изумленно наблюдает, как он выбирается из комнаты отдыха, присасываясь к полу самой толстой частью каждой из восьми ног. Его мантия будто волочится за ним, кажется, что он выглядит еще бледнее и ползет с усилием. Това спешит за ним, но, когда она выходит в коридор, осьминога уже и след простыл.

Това проводит рукой по лицу. У нее что-то с головой. Да-да. Разве не так все начинается? С галлюцинаций об осьминоге.

Много лет назад она наблюдала, как у ее матери постепенно ускользает рассудок. Началось с того, что она стала забывчивой, знакомые имена и даты внезапно выпадали из головы. Но Това не забывает номера телефонов и не ловит себя на том, что роется в памяти в поисках имен. Она переводит взгляд на свою руку, которая вся в маленьких кружочках. Следы от присосок.

Не переставая недоумевать, она заканчивает вечерние дела и принимается за свой традиционный послед-

ний обход здания, чтобы пожелать его обитателям спокойной ночи.

— Спокойной ночи, синежаберники, угревидные зубатки, японские крабы, остроносый малый бычок. Спокойной ночи, анемоны, морские коньки, морские звезды.

За поворотом она продолжает:

— Спокойной ночи, тунец, камбала и скаты. Спокойной ночи, медузы и морские огурцы. Спокойной ночи, акулы, мои бедняжки.

Това всегда испытывает большое сочувствие к акулам, которые выписывают бесконечные круги в своем аквариуме. Она понимает, каково это — когда ты все время должен двигаться, иначе просто не сможешь дышать.

21

Вот и осьминог, снова спрятавшийся за своим камнем. На виду только кусочек его туловища. Окрас стал немного ярче по сравнению с тем, каким он был в комнате отдыха, но все еще бледнее обычного. Что ж, может, так ему и надо. Нечего было сбегать. Да и как он умудрился выбраться? Она вглядывается в рябь на поверхности воды, изучает стенки под бортиком, но на вид все в порядке.

— Безобразник, — говорит она, качая головой, и еще на минутку задерживается перед его аквариумом, прежде чем уйти.

Това нажимает на брелок, и желтый хэтчбек пиликает и мигает габаритными огнями — никак она к этому не привыкнет. Когда она только устроилась сюда на работу, подружки, которые в шутку называют себя Крючкотворщицами, любительницы совместных посиделок, убедили ее, что ей нужна новая машина. Они утверждали, что ездить поздно вечером на старом автомобиле небезопасно. Неделями зудели.

Иногда проще сдаться.

Как обычно, поставив бутылку с уксусом и флакончик с лимонным маслом в багажник, — сколько бы раз Терри ни говорил, что можно держать их в подсобке, никогда не знаешь, где еще могут пригодиться уксус с лимоном, — Това бросает взгляд на пирс. В этот поздний час там пусто, рыбаки давно ушли. Старый паромный причал напротив океанариума похож на какой-то обветшалый механизм. Подточенные водой сваи обросли морскими желудями. Во время прилива за их раковинки цепляются нити водорослей, а с отливом водоросли высыхают, превращаясь в черно-зеленый налет.

22   Това шагает по потемневшим деревянным доскам. Как и всегда, старая билетная касса находится ровно в тридцати восьми шагах от ее парковочного места.

Она еще раз оглядывается — нет ли поблизости случайных прохожих, не скрывается ли кто в длинных теньях. Прижимает руку к стеклянному окошку кассы, которое пересекает диагональная трещина, напоминающая старый шрам на чьей-то щеке.

Потом идет на пирс, к своей обычной скамейке. Та вся мокрая от соленых брызг и испещрена пятнами чаячьего помета. Това садится, закатывает рукав и разглядывает странные круглые отметины, надеясь, что они уже исчезли. Но они по-прежнему видны. Она проводит подушечкой пальца по самой большой из них, на внутренней стороне запястья. Пятно размером с серебряную монету в один доллар. Скоро ли оно сойдет? Останется ли синяк? Синяки у нее в последнее время появляются очень часто, и след уже приобрел бордовый оттенок, как кровавый волдырь. Может, он теперь вообще никогда не сойдет. Отметина в форме долларовой монетки.

Туман рассеялся, легкий ветерок сдул его от берега, унес к предгорьям. С южной стороны стоит на якоре

грузовое судно, низко просевшее под тяжестью контейнеров, которые рядами составлены на палубе, точно детские кубики. Лунный свет мерцает в воде, покачивается на ее поверхности тысячью свечей. Това закрывает глаза, представляя, как он там, под этой гладью, зажигает свечи для нее. Эрик. Ее единственный сын.